

сия при относительно ограниченных средствах имеет уже слишком обширное поле деятельности внутри России и по северному черноморскому поморию, чтобы затрачивать капиталы на сравнительно гораздо менее обещающий южный Закавказский край. Профессора Шлимана туда влекут тесная связь старинной Греции и древней Колхиды, а для археологической Комиссии хватит на многие годы труда в местностях, исторически более определенных. Мне кажется, что никак не следовало бы, буде встретится возможность к разрешению г. Шлиману возвратиться в Россию, отклонить прибыльное его предложение. Произведенные им раскопки могут обогатить Императорский Эрмитаж весьма ценными вкладами и притом разъяснить много темных исторических вопросов. Если же, напротив, раскопки профессора Шлимана ни к чему не приведут, то это послужит весьма полезным указанием для Археологической Комиссии в будущем. И в том и другом случае дело это принесет пользу казне, не вводя казну в издержки.

Подписал: в должности Гофмейстера

Васильчикова

Примечания

1. «Trojanische Alterthümer. Bericht über die Ausgrabungen in Troja», Leipzig, 1874, французское издание, которым, видимо, пользовался И. А. Васильчиков: «Antiquités troyennes», Paris, 1874.

2. «Mycènes», London, 1878, франц. изд. «La Grèce primitive, Mycènes», Paris, 1879.

3. «Ilios», London, 1880, немецкое изд. «Ilios. Stadt und Land der Trojener», Mit einer Selbstbiographie des Verfassers, einer Vorrede von R. Virchow und Beiträgen von P. Ascherson, H. Brugsch-Bey, E. Burnouf, Frank Calvert, A. J. Duffield, J. P. Mahaffy, Max Müller, A. Postolaccas, A. H. Sayce und A. Virchow, Leipzig, 1881.

4. «Orchomenos», Leipzig, 1881.

О. Бич

Археологическая рекогносцировка в западной части Узбекистана

Осенью 1946 г. Аму-Дарьинская экспедиция, возглавляемая Коржовиным, провела рекогносцировку обширных пространств пустующих земель в западной части Узбекистана, которые будут орошены после вывода огромного канала из р. Аму-Дарья в районе Келиста и реорганизации ирригационной системы в бассейне р. Зеравшана.

Совместно с геологами, гидро-геологами, почвоведом и химиками приняли участие в работах экспедиции археологи—научные сотрудники АН Уз. ССР А. И. Тереножкин и Л. И. Альбаум.

Группой были осуществлены следующие рекогносцировочные работы:

1. Обследован маршрутный участок от г. Самарканда до г. Карши по трассе Зеравшанского канала.

2. Обследован Каршинский оазис.

3. Проведено обследование Кенимехской степи в северной части Бухарской области.

Перед рекогносцировкой каждого участка, учитывая возможную специфику его, ставились определенные узкие задачи с целью выяснения лишь общего своеобразия исторического и культурного развития общества на данной территории. В определении целей работы мы руководствовались задачами комплексных исследований Аму-Дарьинской экспедиции 1946 г.

Рекогносцировка велась быстрыми темпами, определявшимися передвижением на автомашинах при весьма ограниченных сроках пребывания в отдельных пунктах.

При обследовании трассы Зеравшанского канала на участке между г. Самаркандом и г. Карши предстояло установить: 1) действительно ли овраг Иски-ангар являлся

в древнее время арыком; 2) древность существования искусственного орошения в Каршинской степи.

Количество археологических памятников, которые удалось обследовать по маршруту, составило лишь незначительную часть тех, которые находятся на местности.

Осмотр оврага Иски-ангар не оставил у нас никаких сомнений в том, что он является ложем древнего арыка, находившегося в непосредственной связи с ныне действующей системой арыка Даргома. Возможно, первоначально он функционировал по линии Одылды-сая, протянутого так же в широтном направлении и так же «по горизонтали», как и Иски-ангар, но несколько южнее его. Не доходя совхоза Улус, Иски-ангар пересекает водораздельную гряду холмов. Место пересечения холмов носит наименование Кескен-жар. Здесь через холм прорыт огромный каньон в 900 м длины и 23 м глубины, представляющий собой, несомненно, крупный памятник древнего инженерно-иригационного искусства. Ниже Кескен-жара арык Иски-ангар входит сухой в долину Кум-Дарья и через вододелительную систему в 3 км северо-восточнее Шур-базара распределяется мелкой сетью по Каршинской степи.

Археологические памятники по Иски-ангару концентрируются в присамаркандской зоне, ниже же, по течению древнего арыка, они становятся значительно реже и вновь становятся обильнее в Каршинской степи.

В присамаркандской зоне памятники представлены руинами крепостных сооружений в виде отдельно стоящих замков, превратившихся в бугры (тепе, таль); их характеризуют культурные остатки типов Тали-барзу I и II, в частности, кубки на высоких ножках, на основании чего эти замки можно отнести ко времени начала нашего летоисчисления.

Для Каршинской степи характерны Базар-бука и Кара-тепе—остатки крупных замков, древность и время возникновения которых пока не установлены. К X в. вокруг них выросли крупные поселения городского типа, существование которых обрывается в начале XIII в.

На основании археологических данных устанавливается, что система арыка Иски-ангар, питавшая поливное земледелие в Каршинской степи, возникла до начала нашей эры, причем земледелие в Каршинской степи достигло наибольшего развития в X—XII вв. Конец иригации в Каршинской степи, по видимому, следует связывать с опустошительным нашествием монголов Чингис-хана в 1219—1220 гг., в результате которых погиб город Самарканд на Афрасиабе.

Памятники материальной культуры Каршинского оазиса на нижнем течении р. Кашка-Дарья почти совершенно не освещены в археологической литературе. Здесь предстояло выяснить: 1) типы памятников, 2) культурные стадии, 3) крайние пределы распространения иригационного земледелия в оазисе в древности, 4) имели ли место крупные изменения в режиме р. Кашка-Дарья, которые могли бы повлечь за собой высокий подъем материальной культуры в древности.

В Каршинском оазисе более детально удалось обследовать район станции Карши, проведен кольцевой маршрут от г. Карши через Бешкент, Куна-фазли, Касьби, Касан до Карши и обследованы памятники по дороге от г. Карши до Зарканана (на Касьби); всего было осмотрено 27 памятников, что составляет весьма небольшую часть из числа тех, которые хорошо заметны на местности в виде холмов искусственного происхождения.

В оазисе выявляются три основных типа памятников: 1) остатки замков в виде двухъярусных холмиков (кешк с двором); 2) остатки замков с высоким холмом в центре и двумя-тремя рядами валов вокруг (кешк со сложной системой укреплений); 3) остатки укрепленных городов.

Почти все они возникают в доарабское время, причем многие из них в X в. превратились в сельские поселения, достигавшие в отдельных случаях значения городков. Критическим моментом в жизни оазиса следует считать, как и для Каршинской степи, монгольское завоевание, после которого иригация и земледелие должны были находиться в течение длительного периода в крайне упадочном состоянии. В 1220 г. Чингис-хан провел лето в долине Кашка-Дарья. Она была облюбована монголами,

впоследствии здесь был лагерь начальника монгольских военных сил, а в начале XIV ст. она становится местопребыванием монгольского хана Кебека, построившего дворец «Карши», от которого получил наименование современный город.

Каршинский оазис необыкновенно богат археологическими памятниками; бугры, оставшиеся на месте древних сооружений, очень густо (в 0,25—1,0 км) рассеяны по всей аллювиальной равнине, более же всего их в ближайшей округе к г. Карши.

Рис. 1. Фрагмент глазурованного блюда с тепе № 12 между гг. Карши и Кассаном (X в. н. эры)

Некоторые из обследованных памятников имеют важное историческое значение. Так, в остатках обширного замка Кафыр-тепе в г. Карши были найдены предметы материальной культуры греко-бактрийского периода (III—II в. до н. э.), в том числе полушарические чаши, лепленные из глины без гончарного круга (рис. 1—2)

Рис. 2. Глубокая миска из г. Кассана (VIII—IX вв. н. эры).

Руины Зохаки-морон около ст. Карши, восходя к кушанскому времени (первые века нашей эры), замечательны сложностью укреплений и, несомненно, представляют собой ценный архитектурный памятник. На пути из г. Карши в г. Кассан находятся развалины большого города Ир-курмана, тоже кушанского времени, укрепленного двумя линиями стен; внутри сохранились остатки четырех монументальных сооружений, вероятно, дворцов и храмов. В Ир-курмане были найдены обломки глиняных кубков изящной работы, подобных кубкам с развалин древнего Самарканда (городище Афрасиаб), и терракотовая фигурка, изображающая музыканта (рис. 3). На крайнем пустынном западе Каршинского оазиса обследованы развалины замка эпохи тюрк-

ского каганата (VI—VII вв. н. э.)—Куны-фазли, который к X в. перерастает в значительный по величине городской центр. В слоях древнего укрепления в г. Кассане добыт комплекс предметов арабской эпохи (VIII—IX вв.), ценный для понимания того как складывалась материальная культура средневековья. Среди этих предметов особенно интересны глубокие мисочки, часть полихромного глазурованного блюда и стеклянная ложка.

Наметились основы первой периодизации истории материальной культуры для Каршинского оазиса, охватывающей время с III в. до н. э. до XIII в. н. э., дальнейшая углубленная разработка которой будет весьма важной для правильной и планомерной работы как на трассе канала, так и в областях будущего орошения.

Рис. 3. Терракотовая фигурка музыканта из Ир-курмана (первые века н. эры).

Выше отмечалось, что Каршинский оазис отличается необыкновенным изобилием археологических памятников. Этот факт мог бы быть истолкован как указание на какой-то большой подъем культуры в древности. Однако такая интерпретация, приложимая к раскрытию истории культуры во многих других районах Средней Азии, была бы ошибочной для понимания исторических процессов в Каршинском оазисе. Развитие ирригационного земледелия, а вместе с тем и культурной жизни в оазисе было сурово лимитировано незначительностью р. Кашка-Дарья в своих низовьях как водного источника. Она не могла явиться базой для образования крупного культурного центра ни в эпоху рабовладельческого, ни в эпоху феодального общества с их постоянными политическими переворотами и грабительскими войнами. Почвы Каршинского оазиса плодородны, пространства удобной для хлебопашества земли обширны, по этого было недостаточно. Если недостаток воды в настоящее время заставляет определять Каршинские земли как условно-поливные, то с такой же меркой нужно подходить к ним и при рассмотрении процесса возникновения и развития культуры в течение всего исторического периода.

Возникавшие города и селения уничтожались, со временем появлялись новые, которые претерпевали такую же участь.

Исходя из всего, что пришлось наблюдать, следует считать, что в общем режиме р. Кашка-Дарья в течение исторического периода никаких существенных изменений не произошло, дебет воды в ней остается таким же небольшим, каким он был и в древности.

В Кенимехской степи, обнимающей всю северную часть Бухарской области, рекогносцировкой выяснены в общих частях следующие вопросы: 1) наличие археологических памятников и время их существования; 2) общие особенности процесса освоения человеком степных пространств в древности; 3) функционировало ли в исторический период сухое русло Дарья-са в качестве ложа постоянного водного протока.

Кенимехская степь, не только безводная, но во многих частях песчаная, имеет ярко выраженный пустынный облик. Человек столкнулся здесь с такими грозными силами природы, которые ему не удалось преодолеть, и он, например, никогда не делал попыток освоить ее под ирригационное земледелие. Более того, под песками, накапливавшимися из степи на северной и северо-западной окраинах Бухарского оазиса, были погребены значительные площади культивировавшихся в древности земель, так что под ними постепенно оказались даже многие известные в письменных исторических источниках города и селения, в том числе города Вардана и Варахша, выступавшие еще в VI—VII вв. н. э. как конкуренты Бухары на политическое господство в стране.

На берегах Дарья-са, русло которой проходит вдоль подножий гор Кульджук-тау и Кынгыр-тау, никаких следов постоянной, оседлой жизни не обнаружено. Ров

и малые, одиночные и группами стоящие бугры, обозначенные на карте 100.000 масштаба на южном берегу Дарья-сай к югу от колодца Ташкудук (юго-восточный склон гор Кульджук-тау,) не созданы человеческими руками, а имеют чисто естественное происхождение (специально они описаны гидро-геологом Б. М. Георгиевским).

Кенимехская степь служила первоначально, в IV—II тысячелетиях до нашего летоисчисления, местом охоты для первобытного человека. Охота, повидимому, обычно

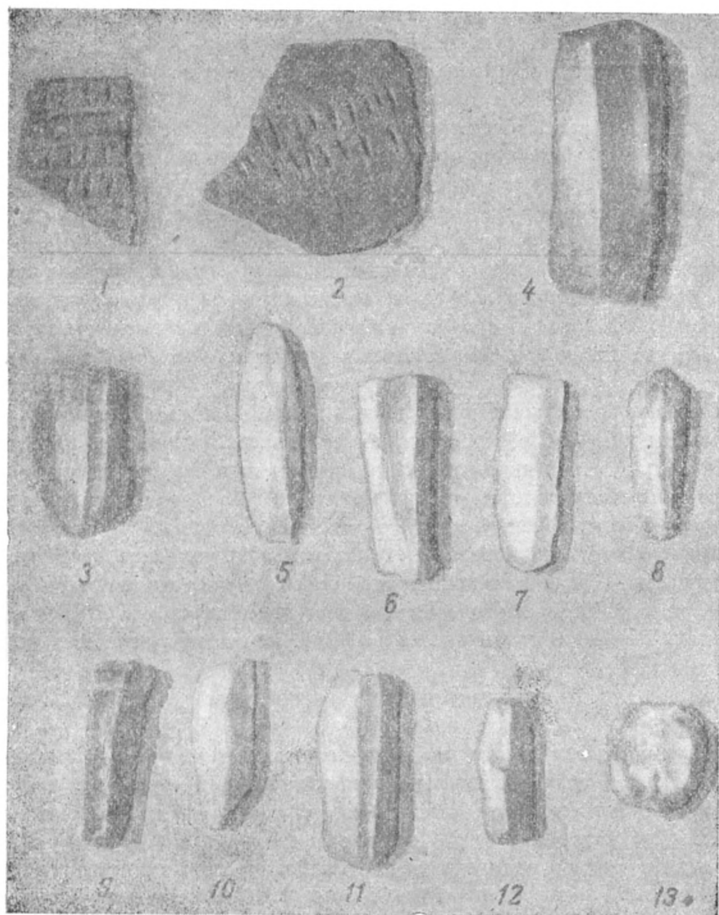

Рис. 4. Предметы с энеолитической стоянки у колодца Люхча в Кенимехской степи к северу от г. Бухары (1—2 фрагменты сосудов, 3—4 нуклеусы, 5—11 кремневые пластины, 12—13 скребки).

велаась в зимнее время, когда вода накапливалась в лужах из атмосферных осадков, и носила, таким образом, сезонный характер. Некоторые районы степи, возможно изобиловавшие дичью, более охотно посещались звероловами. К числу таких мест принадлежала, например, впадина у горько-соленого колодца Люхча по дороге из Вобкента в совхоз Дженгильды, на берегах которой удалось собрать значительное количество микролитовидных кремневых орудий и обломков архаической глиняной посуды с примитивными узорами (рис. 4). Человек времени неолита и энеолита проникал в самые глухие уголки Кенимехской степи, но обнаруживаемые следы его посещения показывают, что они бывали всегда крайне кратковременными.

Позднее, с развитием животноводства, Кенимехская степь используется под кочевое скотоводство, базировавшееся на колодцах и хаках (ямах с водой из атмосферных осадков); археологически кочевое скотоводство документируется лишь рассеянными по территории и у колодцев обломками глиняной посуды различных исторических эпох.

В итоге археологической рекогносцировки западной части Узбекистана в связи с Аму-Дарьинской проблемой устанавливается следующее:

1. Иски-ангар (по которому должен пройти Зеравшанский канал) являлся руслом канала, орошавшего Каршинскую степь, примерно, с первых веков до н. э.—по XIII в. н. э., причем ирригационное земледелие в Каршинской степи прекратилось, повидимому, со времени монгольского завоевания.

2. В Каршинском оазисе с глубокой древности (предположительно с начала I тысячелетия до н. э.) стало развиваться ирригационное земледелие, но, ввиду малого дебета воды в р. Кашка-Дарье, оно никогда не достигало высокого уровня; хозяйство обитателей оазиса в древнее время и в средние века складывалось как земледельческое с некоторым уклоном к кочевому скотоводству.

3. Кенимехская степь ввиду пустынности никогда не использовалась под ирригационное земледелие. Первоначальными обитателями ее были охотники за дичью, а позднее кочевники. Дарья-сай в исторический период являлся сухим ложем естественного и непостоянного водотока и совершенно не мог быть использован для целей ирригации.

4. Данные рекогносцировки подтверждают высказанное в свое время академиком В. Б. Бартольдом положение о том, что за исторический период в климате Средней Азии не произошло таких изменений, которые могли бы существенно отразиться на режиме рек; никаких данных, которые могли бы подкрепить известную гипотезу о постепенном усыхании рек Средней Азии, не получено.

Дальнейшая разработка историко-археологических вопросов, имеющих значение для постановки Аму-Дарьинской проблемы, потребует проведения ряда углубленных исследований в верхней части древнего арыка Иски-ангар, в Каршинской степи и в Каршинском оазисе. В связи с этим в 1947 г. намечается осуществить следующие работы:

1. Вскрытие руин одного замка на Иски-ангаре между арыком Даргомом и Кескен-жаром.
2. Предварительные раскопки на Кара-тепе и Хазар-бука в Каршинской степи.
3. Раскопки 20 могильных курганных насыпей на краю степи к югу от Бустана.
4. Раскопки одного монументального сооружения в Ир-кургане между г. Карши и г. Кассаном.
5. Раскопки древнего водodelителя в нижней части Иски-ангара.
6. Углубленные раскопки на руинах замков Кафыр-тепе и Зохаки-Морон в г. Карши.

А. Тереножкин

Археологические открытия в Италии за последние годы¹

Италия продолжает оставаться сокровищницей археологических памятников. При всякого рода земляных работах, прокладке дорог, водопроводов, расширении улиц, реконструкции домов и т. д. наталкиваются на все новые и новые памятники

¹ Предыдущий обзор см. ВДИ, 1939, № 1, стр. 223.

Литература по археологии в Узбекистане

Задачей настоящего очерка является общий обзор наиболее интересных работ, вышедших в течение последних лет в Узбекской ССР. Они издавались преимущественно Узкомстарисом¹ и в ежемесячнике Комитета наук Узбекской ССР «Социалистическая наука и техника». Наибольшее количество археологических работ по Узбекистану принадлежит М. Е. Массону, затем Шишкину, Григорьеву, Букиничу и Воронцу.

Прежде всего остановимся на работах М. Е. Массона. М. Е. Массон разрабатывает и пропагандирует вопросы прикладной тематики археологии. В этом отношении особого внимания заслуживают его очерки и статьи по истории горной промышленности и металлургии Средней Азии (преимущественно Таджикистана) и древнего водоснабжения². В многочисленных, хотя и небольших по размеру, статьях М. Е. Массон публикует сведения по истории материальной культуры различных эпох и разных уголков богатой древностями территории Узбекистана. В числе их, несомненно, ценнейшим следует считать очерк, посвященный находке фрагмента скульптурного карниза первых веков нашей эры³. Одновременно М. Е. Массон продолжает плодотворно вести давно уже начатую им регистрацию нумизматических находок на территории всей Средней Азии. Утвари клада фальшивомонетчика, найденного близ Ташкента, проливают новый свет на историю денежных отношений в Джагатайском и Джучидском государствах XIV в.⁴

Точка зрения М. Е. Массона на задачи археологии в Узбекистане стоит в полном соответствии с задачами нашей науки на историческом фронте. Так, он пишет: «Главные направления в планах дальнейших археологических работ диктуются теперь необходимостью составления той или иной части марксистской истории всего мира, в том числе и народов СССР. Наибольшее количество сил и средств поглотит разрешение именно таких основных для советской археологии задач, которые в каждый данный момент, как первоочередные, выдвигаются нашим всесоюзным историческим фронтом»⁵. Однако следует отметить, что М. Е. Массон не подошел еще к практическому осуществлению этой почетной для каждого археолога задачи по разработке наиболее узловых и актуальных вопросов истории древних народов Средней Азии и собственно Узбекистана. Уже в самой тематике М. Е. Массона видны «боязнь смелой постановки теоретических вопросов»⁶ и уход в эмпиризм, который выражается

¹ Узбекский комитет по изучению и охране памятников материальной культуры.

² М. Е. М а с с о н—История горной промышленности Таджикистана. АН СССР, М.—Л., 1934; «К истории горной промышленности Карамазара», «Труды Таджикстанской базы АН СССР», т. IV, М.—Л., 1935; «Проблема изучения цистерны-сардоба», «Материалы Узкомстариса», вып. 8, Ташкент, 1935; «Прикладные задачи археологии и их тематика в Средней Азии», Ташкент, 1937.

³ Е г о ж е—К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии, «Материалы Узкомстариса», вып. 6—7, М.—Л., 1936; «Археологические работы в Узбекистане за последние годы (1933—1935)», журн. СОНАТ, 1936, № II; «Разрыв берегов Аму-Дарьи и археологические памятники правобережного Хорезма», СОНАТ, 1936, № 5; «К изучению археологических памятников правобережного Тохаристана», СОНАТ, 1937, вып. I; «Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э.», «Материалы Узкомстариса», вып. 1, Ташкент, 1933; «К проблеме открытия алфавита древнего Хорезма», СОНАТ, вып. 6, 1938.

⁴ Е г о ж е—Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг., «Материалы Узкомстариса», вып. 5, Ташкент, 1936; «Клад утвари мастерской фальшивомонетчика XIV в. под Ташкентом», «Материалы Узкомстариса», вып. 4, Ташкент, 1933.

⁵ Е г о ж е—Прикладные задачи археологии, стр. 4.

⁶ Постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)», разд. 12.

у него, как мы увидим ниже, в простом подборе различных сведений для истолкования или, вернее, описания того или иного исторического факта или явления в области материальной культуры. В какое безвыходное положение завела М. Е. Массона боязнь теоретических вопросов, может быть продемонстрировано на примере эволюции его определения социально-экономических отношений в доарабской Средней Азии. В 1935 г. М. Е. Массон, следуя А. Ю. Якубовскому¹, писал, что «новая эра в истории горной промышленности Средней Азии наступает с эпохи арабского завоевания в VIII в. Развитие товарного хозяйства и кустарной промышленности кладет начало процессу разложения старых феодальных отношений, затянувшихся на многие столетия»². Что мы имеем здесь не случайную опisku автора (разложение феодализма к концу VIII в.), видно из того, что наш автор в другой статье (1936 г.) относит кушанские памятники первых веков нашей эры с развалин древнего Термеза «к культурам феодального общества ранних исторических эпох»³. В последующих работах М. Е. Массон предпочитает, повидимому, ради осторожности, называть эту эпоху «дофеодальной» или еще более нейтрально — «домусульманской», но не расширявает социального содержания этих терминов⁴.

Включение в дофеодальный период тысячелетней истории классового общества (до VIII в.) на территории Средней Азии может квалифицироваться, как простой отказ от исторического анализа, как боязнь теоретических вопросов.

Эмпиризм М. Е. Массона, как мы отметили, заключается в том, что он перегружает свои статьи различными литературными сведениями и фактами, причем нередко такими, которые не имеют и не могут иметь научного значения. Например, описывая цистерну-сардобу Мурзарабат, он собирает здесь всевозможные сообщения о находящемся рядом с ней каравансарае. Они состоят, главным образом, из перечисления «забот» русских чиновников конца XIX в. о реставрации разрушающегося каравансарая (хотя бы на суммы «земских сборов»), но не содержат никаких положительных данных о его архитектурном облике и хронологии⁵. Такие работы М. Е. Массона, как, например, «Проблема изучения цистерн-сардоба» и «История горной промышленности Таджикистана», могли бы быть сильно сокращены за счет аппарата и самого текста. От сокращения они, несомненно, только выиграли бы в четкости и ясности изложения. К этой же категории данных принадлежат различные автобиографические сведения, часто встречающиеся в статьях М. Е. Массона. Например, оказывается, что археолого-архитектурное и инженерно-гидрологическое исследование древних водохранилищ-сардоб, помимо других причин, задержалось с 1931 г. на несколько лет из-за тяжелого заболевания М. Е. Массона⁶. Обследование одной части территории древнего Тохаристана сорвалось из-за неожиданного заболевания руководителя разведочного отряда М. Е. Массона⁷. В одном месте мы узнаем, что М. Е. Массон является «специалистом по истории материальной культуры» и т. д.⁸ Впрочем, следует отметить, что в вопросах истории материальной культуры М. Е. Массона, как «специалиста», интересуют не столько археологические материалы, как вид исторического источника, сколько различные письменные свидетельства. В этом отношении весьма показательна вышеупомянутая его работа по истории горной промышленности Таджи-

¹ С. П. Толстов — Основные вопросы древней истории Средней Азии, ВДИ, 1938, № 1/2, стр. 192.

² М. Е. Массон — К истории горной промышленности Карамазара.

³ Е. Г. — Археологические работы в Узбекистане, стр. 48.

⁴ Е. Г. — К проблеме открытия алфавита древнего Хорезма, стр. 68 и — К изучению археологических памятников правобережного Тохаристана, стр. 102.

⁵ М. Е. Массон, — Проблема изучения цистерн-сардоба, стр. 20.

⁶ Там же, стр. 9.

⁷ Е. Г. — К изучению археологических памятников правобережного Тохаристана, стр. 100.

⁸ Е. Г. — Прикладные задачи археологии, стр. 15.

кистана. Несмотря на то, что автор лично обследовал следы древней горнопромышленной деятельности человека на горах Карамазар и дал несколько ценных историко-географических наблюдений, описания этих следов столь общи и неконкретны, что они не могут удовлетворить практическим требованиям археологии. Чтобы получить фактические сведения об упоминаемых М. Е. Массоном остатках плавильных печей, полей шлаков, рудников и даже развалин древних селений, приходится обращаться к инженерно-геологическому труду Б. Н. Наследова — Кара-мазар (АН СССР, 1935).

Очерки Г. В. Григорьева освещают результаты археологических разведок и раскопок близ Ташкента в Янгиюльском районе и около Самарканда на развалинах укрепления Тали-Барзу¹.

Г. В. Григорьев в отчете о работах в Янгиюльском районе относит к сакской эпохе группу холмов «тепе» с культурными наслоениями, которые он предпочитает называть «архаическими городищами».

Редакция Узкомстариса отмечает спорность расшифровки археологических материалов, какую дает Г. В. Григорьев, считая, однако, принципиально интересной постановку «забытой проблемы о саках, некогда занимавших территорию Ташкентского района»². Действительно, памятники материальной культуры сакских и массагетских племен в Средней Азии остаются до сих пор совершенно неизвестными для археологии.

Неизученность материальной культуры сакской эпохи вообще заставляет нас ранее всего остановиться на методах, руководствуясь которыми Г. В. Григорьев относит «архаические городища» к сакскому времени.

На основании общих соображений об археологических материалах с «архаических городищ» Е. В. Григорьев устанавливает, что они относятся к железной эпохе и их обитатели по уровню материальной культуры стоят ближе всего к сакам античных авторов (Геродота, Арриана и Страбона)³. По этому поводу он пишет следующее: «Повидимому, остатки этих (сакских.—А. Т.) «городов» мы имели в настоящее время в виде «тепе», которых в этих местах имеется довольно много⁴, и если это предположение правильно, то мы имеем опору в исторических источниках для датировки городищ. Тогда устанавливается, что стены, обнаруженные на первом полукольце поселений архаического типа, уже существовали ко времени похода Александра Македонского, так как при восстании (против него.—А. Т.) население их лишь сильнее укрепило. Тогда культурные наслоения лежащие под этими стенами и до периода землянок... можно датировать периодом от появления железа и до IV в. до н. э.»⁵. Мы не отрицаем того, что тепе или отдельные наслоения в них образовались в сакскую эпоху. Тем не менее, мы вынуждены обратить внимание на то, что подобного рода умозрительные сравнения археологических и исторических сведений не могут служить доказательством и основанием для широких исторических построений, какие пытается сделать из них Г. В. Григорьев.

Чувствуя необоснованность своего сопоставления, Г. В. Григорьев обращается к археологическим материалам, как таковым, и утверждает, что они вполне подтверждают его положение о датировке «архаических городищ» второй половиной I тысячелетия до н. э. Здесь он базируется лишь на случайном сходстве только одного кубковидного сосуда с ручкой в виде барана из Каунчи-тепе с некоторыми сосудами из погребений III—II вв. до н. э. на Северном Кавказе и в Причерноморье⁶. Известно, что датировка больших комплексов по отдельным предметам невозможна или очень

¹ Г. В. Григорьев—Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе Узбекской ССР, Ташкент, 1935 и Тали-Барзу, СОНАТ № 2—3, 1938 г.

² Егоржеев—Отчет об археологической разведке в Янгиюльском районе, стр. 3—4.

³ Там же, стр. 24—27.

⁴ Там же, стр. 32.

⁵ Там же, стр. 33.

⁶ Там же, стр. 38.

опасна. Тем более приходится быть осторожным при датировке по сосудам домашнего производства, которые далеко не всегда могут служить руководящими формами. Напомним Г. В. Григорьеву, что он прекрасно иллюстрировал это на образцах современной керамики горных таджиков, которые носят на себе все черты сходства с сосудами из раскопок Шлимана в Гисарлыке¹.

Вследствие того, что Г. В. Григорьев не сумел доказать принадлежность «архаических городищ» сакам, мы не считаем возможным останавливаться здесь на разборе его социологических построений, изложенных в разделе «Исторические силуэты». Они пространны, абстрактны и даже несколько сумбурны (см. о Шаш-тепе, стр. 35 и 40).

Разведочное обследование и раскопки замка Тали-Барзу близ Самарканда дали любопытный комплекс археологических материалов, который может быть датирован, с нашей точки зрения, временем первых веков нашего летосчисления.

Для датировки археологического комплекса о Тали-Барзу Г. В. Григорьев вновь берет лишь один предмет—кувшин с ручкой, в основании которой помещена мужская головка (маска), и сравнивает его с помпейской энохоей (I) III—II вв. до н. э. Заметив между ними схематическое сходство, он делает вывод, что замок Тали-Барзу относится ко времени Александра Македонского². В конечном счете этот вывод столь же шаток, как и датировка янгиюльских «архаических городищ» сакской эпохой.

Если работа о разведках в Янгиюльском районе обнаруживает «шероховатости», как заметила в свое время редакция Узкомстариса, то очерк «Тали-Барзу» носит на себе явные следы небрежности. Приведем несколько примеров. В одном месте Г. В. Григорьев пишет: «Анализ изображения головки под ручкой сосуда приводит к следующим выводам. Прежде всего, это не корона, так как в основе короны лежит повязка-диадема, здесь повязки нет»³. О какой короне идет речь—неясно, так как автор забыл предварительно описать самую головку и упомянуть, что на ней видны следы головного убора, к полемике о котором он так неожиданно переходит. Небрежность автора граничит местами с исторической неграмотностью. Так, он пишет: «После его (Александра Македонского.—А. Т.) смерти (323 г. до н. э.) огромная монархия распалась. Образовалось 3 эллинистических государства с центрами в Македонии, Египте и Иране. Последнее государственное образование известно под названием Селевкидов, по имени главного города Селевкии (?) в Месопотамии»⁴. Да будет известно уважаемому автору, что город Селевкия и государство Селевкидов получили свое имя от Селевка, полководца Александра Македонского.

Работа В. А. Шишкина—«Архитектурные памятники Бухары» (Ташкент, 1936) представляет собой историко-археологический путеводитель. Достоинством его является то, что он впервые знакомит советского читателя и науку с архитектурным богатством одного из древнейших городов Средней Азии. Автор делает опыг обзора архитектурного облика города, начиная с первых письменных известий о нем, и доводит его до середины XIX в., т. е. до русского завоевания. Описываются не только культовые памятники (мечети, медресе и минареты), которыми обычно пестрят издания по зодчеству Востока, но и многочисленные гражданские сооружения г. Бухары, как-то: крытые рынки, бани, зиндая (эмирская тюрьма), городские стены, ворота и т. д. К сожалению, по неизвестным нам причинам автор совсем не останавливается на описании жилой архитектуры, а она для Бухары представляет большой интерес.

Намечая периодизацию истории Средней Азии в связи с историей г. Бухары, В. А. Шишкин целиком стоит на точке зрения А. Ю. Якубовского, развитой им в ряде

¹ Е го же—Археологические черты в производстве горных таджиков, ИГАИМҚ, т. X, вып. 10, 1931.

² Е го же—Тали-Барзу, стр. 79—81.

³ Там же, стр. 80.

⁴ Там же, стр. 82.

работ по различным вопросам Средней Азии¹. Суть ее несложна. Тем, что вся эпоха до арабского завоевания рассматривается в свете безраздельного господства феодальных отношений, «феодално-крепостного строя», отрицается рабовладельческий период в истории Средней Азии. В периодизации истории Средней Азии после арабского завоевания В. А. Шишкин не идет дальше заключений А. Ю. Якубовского о подъемах и упадках феодальных государственных образований вследствие борьбы и взаимодействия центростремительных (торговый капитал) и центробежных (крупные и мелкие феодалы, родовой быт и угнетенные слои населения) сил.

Д. Д. Букинич, исследуя гравийные линзы с перемытыми культурными остатками IX—XII вв. н. э., погребенные в лессовых отложениях берегов канала Боз-су в Ташкенте², делает попытку восстановить первоначальный ландшафт Чирчикской долины. По мнению автора, он имел «вид плоскодонных долин, по которым блуждали так называемые «дикие воды», не имеющие еще определенного русла». На этих, потоках селился исторический человек, высокая культура которого устанавливается с IX в. н. э. IX—XII вв. в истории Средней Азии характеризуются интенсивным ростом земледелия и увеличением разбора воды на поля в главных артериях бассейна Аральского моря. Разбор воды вызвал резкое понижение базиса эрозии рек, что влечет за собой исчезновение блуждающих потоков, заглубление рек и каналов, а вместе с тем и формирование современного ландшафта Чирчика и Баз-су. Вопрос о влиянии человека на формирование ландшафтов Средней Азии, поставленный автором, представляет большой интерес. Тем не менее к его выводам приходится подходить с большой осторожностью, так как они построены на слишком ограниченном количестве наблюдений. В частности Д. Д. Букинич не принял во внимание образования гравийных линз с культурными остатками в результате горных, так называемых силовых, потоков, которые весьма обычны для приташкентских районов, а учет их роли мог бы коренным образом изменить его гипотезу.

В статье опубликован небольшой, но точно датированный находкой клада караханидских монет, археологический материал X—XII вв. Относительно археологических материалов Д. Д. Букинич замечает, что в культурных наслоениях по Боз-су «доарабская керамика смешана с керамикой XI—XII вв.»³. Группу доарабской керамики, по его словам, составляют сосуды, изготовленные без применения гончарного круга с ясными следами красноватого лощения. Нам известно, что подобного рода керамика давно уже является камнем преткновения в среднеазиатской археологии. Например, В. Л. Вяткин выделил среди находок на Афрасиабе особую группу сосудов, которые отнес к «Трипольской» культуре IV—III тысячелетия до н. э.⁴ «Черепки, характерные для Триполья, — пишет В. Л. Вяткин, — на Афрасиабе находятся в разных слоях почвы и даже в отхожих местах первых веков ислама»⁵.

Нашими раскопками 1936 г. на развалинах Тараза, на месте теперешнего города Джамбула в Южно-Казахстанской области Казахской ССР, был вскрыт культурный слой X—XII вв.⁶

Он содержит большое количество поливной и неполивной посуды, несколько

¹ См. соответствующие места в следующих работах А. Ю. Якубовского — Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв. Материалы по Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. АН СССР, 1933; «Развалины Ургенча», ИГАИМК, т. VI, вып. 2, 1930; «К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке», ИГАИМК, т. VIII, 1931; Б. Греков и А. Якубовский — Золотая орда, Л., 1937, стр. 1—130.

² В. А. Шишкин — Архитектурные памятники Бухары., стр. 12.

³ Там же, стр. 72.

⁴ В. Л. Вяткин — Городище Афрасиаб, стр. 40.

⁵ Там же, стр. 39.

⁶ Экспедиция ГАИМК под руков. А. Н. Бернштама.

целых и фрагментированных сосудов с красным лошением, изготовленных, как и бозсуйские, по Д. Д. Букиничу, без применения гончарного круга.

Приведенные примеры показывают, что мы имеем здесь дело не с перемешанными культурными слоями разных эпох, а с довольно общим явлением, которое оставалось совершенно непонятным для археологов-формалистов. Они, вопреки фактам стратиграфии об одновременности тех и других остатков, причисляли их к различным историческим периодам. Они не могли понять того, что в средневековом быту возможно существование ремесла, дававшего прекрасные образцы поливной и неполивной посуды, и, с другой стороны, домашнего производства ее, в котором сохранялись чрезвычайно архаические черты.

Статья М. Э. Воронца, посвященная двадцатилетию Октября, подводит итоги археологических и ремонтно-реставрационных работ в Узбекистане¹. Итоги эти значительны. На место частного коллекционерства и любительства дореволюционного времени, которые часто приносили археологии не пользу, а вред, пришло глубокое и планомерное изучение материальной культуры древних народов Узбекистана. Руководство археологическими работами в настоящее время сосредоточено в Узбекском комитете по изучению и охране памятников материальной культуры, объединяющем большой коллектив археологов и архитекторов. В работах Узкомстариса, успешно развернувшихся на развалинах Термеза, в Самарканде, около Ташкента, в Бухаре и на территории древнего Хорезма, принимают участие не только местные силы, но и работники московских и ленинградских научно-исследовательских учреждений.

М. Э. Воронец, отмечая достижения по археологии рабовладельческой и феодальной эпох, ставит вопрос об изучении памятников доклассового общества в Узбекистане, на которые до сих пор обращалось слишком мало внимания. Инициатива Узкомстариса в изучении древних культур оказалась своевременной и увенчалась в 1938 г. эпохальным открытием А. П. Окладниковым в южном Узбекистане черепа и других костных останков неандертальского человека.

А. Тереножкин

Из литературы об ал-Идриси

O. J. TUULIO (TALLGREN).—*Du nouveau sur Idrisi. Sections VII₃, VII₄, VII₅. Europe septentrionale et circumbaltique, Europe orientale et, d'après quelques manuscrits, centrale jusqu'à la péninsule balkanique au Sud*. Edition critique, traduction, études. Helsinki, 1936. X+242 pp. 8°. С приложением 17 факсимиле из рукописей и 4 карт (Studia Orientalia. Edidit Societas Orientalis Fennica. № VI, 3).

Среди западноевропейских исследователей «монументального памятника географии» ал-Идриси (XII в.) в последние годы особо выделяются работы финляндского ученого O. Tuulio-Tallgren. В 1930 г. в работе «Idrisi. La Finlande et les autres pays baltiques orientaux (Géographie, VII₄)», им совместно с А. М. Tallgren были критически изданы, переведены и исследованы те места труда ал-Идриси, которые имеют отношение к Финляндии и другим восточнобалтийским странам, с приложением соответствующих факсимиле из всех известных рукописей ал-Идриси (Studia Orientalia, III). Позже, в 1934 г., на базе тех же арабских текстов, появилась его небольшая статья, озагла-

¹ М. Э. Воронец—Археологические исследования и ремонтно-реставрационные работы в Узбекской ССР, СОНАТ, 1937, № 10—11.